

Политэкономия российского развития

В ближайшие десять лет экономическое развитие будет упрочивать существующий политический режим и одновременно помогать обществу его «перерасти» | **ДЭНИЕЛ ТРЕЙСМАН**

У прогноза скверная репутация. Попытки предсказать будущее развитие общества часто заканчиваются вердиктом «попал пальцем в небо». Не помогают и специальные знания, которыми обладают прогнозисты. В недавно опубликованной работе, ставшей плодом двадцатилетних исследований, психолог Филип Тетлок выяснил, «насколько точны прогнозы сотен экспертов по десяткам стран и таким разным темам, как переход к демократии и капитализму, экономический рост, межгосударственные конфликты и распространение ядерного оружия». Выяснилось, что специалисты попадают «в яблочко» ненамного чаще, чем «дилетанты, просто строящие догадки, и шимпанзе, играющие в дартс, либо взятые наугад экстраполяциянные алгоритмы»¹.

Существуют очевидные причины, по которым точно предугадать эволюцию сложных систем почти невозможно. Путь политического и социального развития той или иной страны — результат взаимодействия огромного числа отдельных игроков, реагирующих на информацию из многочисленных, меняющихся источников и зачастую преследующих свои собственные стратегии. В любой момент можно выявить в недавнем прошлом определенные закономерности. Однако нет

никаких гарантий, что они будут действовать и дальше, — часто само их обнаружение создает стимулы к переменам. Непросто и собрать воедино локальные тенденции, чтобы получить прогноз на макроуровне. Сказанное не означает, что все предсказания по определению неверны: если их достаточно много, некоторые окажутся точными. Но если это выяснится лишь задним числом, то особой пользы такие прогнозы все равно не принесут.

Так стоит ли игра свеч? Все же да. Если мы не можем определить, какой из многочисленных возможных путей выберет история, размышления над их конфигурациями, развилками и пересечениями все равно полезны. Это, по меньшей мере, даст возможность быть готовыми быстро интерпретировать реальное развитие событий. Вместе с тем попытки «систематизировать» будущее формируют определенную дисциплину мышления и привычку видеть перспективу, что полезно и при осмыслении настоящего. Вы волей-неволей начинаете думать о том, как сочетаются друг с другом различные аспекты действительности.

Итак, я начну с краткого обзора текущей экономической и политической ситуации в России. То, что мы видим, естественно, зависит от особенностей нашего взгляда. То, что

фиксирует фотограф, есть результат особенностей его объектива и длительности экспозиции. В своей знаменитой работе французский ученый Фернан Бродель проводил различие между тремя подходами к изучению истории². Традиционная *histoire événementielle* (событийная история) сосредоточивает внимание на индивидах и событиях. В ее рамках прошлое предстает как «масса мелких фактов», череда дней и моментов, собранных в «стремительные, драматические, производимые на коротком дыхании нарративы». Во времена Броделя этой методике противопоставлялась история «циклических колебаний», разбивающая прошлое на отрезки времени в 10, 20 и даже 50 лет. Наконец, существует история «большой длительности» (*longue durée*), охватывающая целые столетия.

Чтобы выявить закономерности в российской политико-экономической ситуации, я сначала сосредоточиваюсь на «общем плане», анализируя изменения, произошедшие в стране за последние 20 лет, и сравниваю ее путь развития с другими посткоммунистическими государствами. После этого я обращаюсь к «крупному плану» — рассматриваю краткосрочные тенденции³. На основе этого анализа я делаю вывод о том, что политическое развитие России, вероятно, будет зависеть от положения дел в экономике, и предлагаю несколько сценариев, каждый из которых представляется возможным. В заключение я попробую оценить некоторые из «предполагаемых величин» («*known unknowns*»), способных изменить направление развития событий, и делаю краткие выводы.

Политико-экономическое развитие России с 1992 года

«ОБЩИЙ ПЛАН» Насколько изменилась политика и экономика России за последние 20 лет? Что касается политики, то мы видим, что в начале 1990-х в стране поднялась волна

демократизации. Достигнув высшей точки в 1994-м, она начала отступать. Впрочем, «демократизация», пожалуй, не совсем верный термин. По сути, это была волна дезинтеграции, распада, демонтажа институтов и практики советской эпохи. Как бы то ни было, демонтированные советские институты повсюду заменялись новыми, формально демократическими. Политическая практика также обрела куда больший демократизм. Менялись не только высшие властные структуры. Дезинтеграция затронула и связи между различными уровнями госаппарата. Сначала произошла децентрализация власти, затем ее рецентрализация. Административная иерархия была «сплюсчена», а затем восстановлена в виде «вертикали власти», причем этот процесс начался за несколько лет до того, как Путин ввел данный термин в широкий политический обиход.

Такого рода тенденции в политической жизни России необходимо рассматривать в региональном контексте. Та же самая волна дезинтеграции и реинтеграции прокатилась по всем посткоммунистическим странам — от Словении на западе до Таджикистана на востоке. Последствия этого процесса различались в зависимости от расположения страны на оси Восток — Запад⁴. В Центральной и Восточной Европе, а также в Прибалтике административные структуры были перестроены, а иерархия восстановлена преимущественно на демократической основе. То же самое происходило и на Балканах, но там реинтеграцию примерно на десять лет задержала война. В Центральной Азии, напротив, демонтаж институтов советской эпохи носил сугубо поверхностный характер: в дальнейшем они были «отремонтированы» и покрыты тонким слоем «краски» народовластия. Реконсолидация происходила в условиях авторитаризма, что привело к возникновению автократических режимов. На Кавказе (Азербайджан, Армения, Грузия)

Рис. 1

Источник: Polity IV (Sept. 2009 revision), www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm. Восточная Европа и Прибалтика: Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чешская Республика, Латвия, Литва, Эстония. Европейские страны СНГ: Беларусь, Молдова, Россия, Украина. Кавказ: Азербайджан, Армения, Грузия. Центральная Азия: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Рейтинг Polity: 10 = «чистая» демократия; -10 = «чистая» автократия.

и в европейских государствах СНГ (Россия, Украина, Беларусь, Молдова) итоги оказались значительно более разнородными – как по странам, так и хронологически. В Беларуси и Азербайджане восстановление порядка осуществлялось в основном авторитарными методами, в Молдове – преимущественно демократическими. В других странах (включая Россию) результатом стало возникновение гибридных систем, где элементы реальной и формальной демократии сочетаются с определенными чертами авторитаризма. Пока неясно, произойдет ли со временем «дрейф» гибридных режимов к одному из двух полюсов, то есть их превращение в полностью демократические или полностью автократические системы, и если да, то как скоро это

может случиться. На рис. 1 (см. с. 91) показаны средние рейтинги уровня демократии, составляемые в рамках проекта *Polity*, для различных групп посткоммунистических стран в хронологической перспективе.

В экономической сфере преобразования в России за последние 20 лет шли по трем направлениям: становление рынка, модернизация и глобализация. Прежде всего, на месте планового хозяйства возникла экономика, основанная на рыночных отношениях и частной собственности. Сегодня 69 проц. работников в стране заняты в негосударственном секторе (в 1990 году таких было всего 17 процентов)⁵. По сравнению с тем же периодом доля жилого фонда, находящаяся в частной собственности, возросла с 30 до 82 процен-

тов⁶. К 2009-му российский фондовый рынок по объему вышел на тринадцатое место в мире⁷. Параллельно с развитием рынка росло и производство. Даже по официальным статистическим данным об объеме ВВП (преувеличивающим стоимость продукции, производившейся до распада СССР), национальный доход на душу населения с поправкой на паритет покупательной способности возрос с примерно 8 тыс. дол. в 1990-м до 19 тыс. дол. в 2009 году. Объем реального конечного потребления домохозяйств с 1990-го по 2008 год увеличился в два с лишним раза⁸.

“По представлениям общества об экономической ситуации в стране можно достаточно точно предсказывать меру одобрения действий руководителей государства”.

Кроме того, за последние два десятилетия Россия пережила радикальную модернизацию. В 1990-м для большинства россиян персональные компьютеры были чем-то из разряда научной фантастики. По состоянию на 2008 год они имелись уже у половины семей⁹. Сегодня почти 40 проц. домохозяйств подключены к Интернету, а для Москвы и Санкт-Петербурга эта цифра превышает две трети. В 1989-м меньше трети семей в России имели доступ к телефонной связи¹⁰. К 2008 году на каждого россиянина приходилось в среднем 1,4 мобильных телефона (в 1992-м — 0,004)¹¹. Количество высших учебных заведений по сравнению с 1990 годом возросло в два с лишним раза, при этом особенно динамично развивались негосударственные вузы¹². Совокупная доля студентов выросла с 52 проц. выпускников средних школ в 1991-м до 75 проц. в 2007 году — сегодня она выше, чем во Франции, Италии и Великобритании¹³. В 1990-м вузы окончили 401 тыс. россиян, а в 2008 году — 1,4 миллиона¹⁴. С 1992-го доля работников с высшим образованием увеличилась с 16 до 28 процентов¹⁵.

Одновременно Россия восстанавливала связи с внешним миром, особенно с Европой. Об этом наглядно свидетельствуют статистические данные о торговле, поездках и иных контактах. Российский экспорт увеличился с 54 млрд дол. (12 проц. ВВП) в 1992-м до 472 млрд (28 проц. ВВП) в 2008 году, а импорт — с 43 млрд (9 проц. ВВП) до 292 млрд дол. (17 проц. ВВП)¹⁶. Число россиян, выезжающих в страны «дальнего зарубежья», почти утроилось — с 8 млн в 1993-м до 22 млн в 2009 году¹⁷. Наибольшей популярностью пользуются Финляндия (3 млн), Турция (2,4 млн),

Египет (1,8 млн), Китай (1,7 млн) и Эстония (1,6 миллиона человек). В 1990-х россияне сделали 41 млн международных телефонных звонков, а в 2002 году — 1,1 миллиарда. В 2007-м они пользовались международной телефонной связью в течение 29 млн часов — в среднем на каждого жителя страны пришлось по 12 минут¹⁸.

Все больше россиян учится за рубежом. По данным ЮНЕСКО, в 1999 году за границей учились 20 тыс. человек, а в 2008-м — 41 тыс., в том числе 20 тыс. в Западной Европе и 10 тыс. — в Центральной и Восточной Европе¹⁹. Россияне также вкладывают свои капиталы в зарубежную недвижимость. Согласно одной из оценок их общая сумма составляет 10 млрд дол. в год. Причем речь идет не только об олигархах, покупающих виллы во Франции: риелторы сообщают, что большим спросом у граждан России пользуются недорогие квартиры в пригородах Лондона, Берлина и Штутгарта²⁰. По результатам социологических опросов, сегодня большинство россиян (53 проц.) считают, что их стране — если представится такая возможность — стоило бы вступить в Евросоюз²¹.

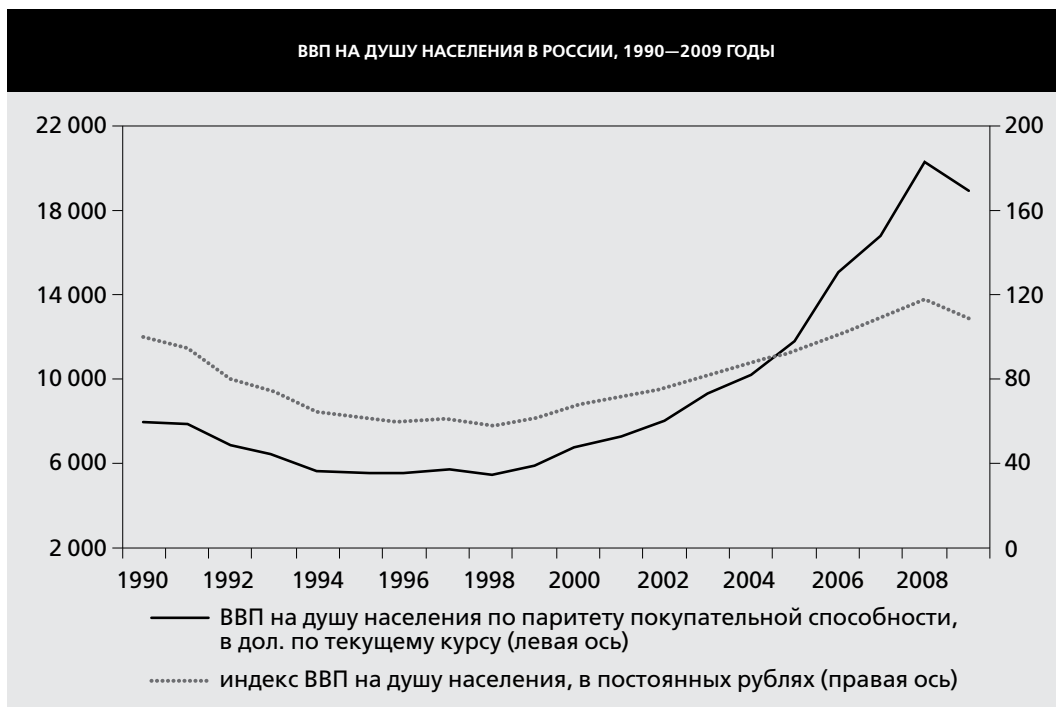
Таким образом, «общий план» свидетельствует о быстрых темпах развития рынка, модернизации и интеграции с внешним миром, особенно Европой. В то же время политическая система страны «застряла» между полюсами авторитаризма и демократии. Те, кто вслед за Сеймуром Липсетом считает, что модернизация способствует утверждению свободы в политической сфере, ожидают, что при сохранении нынешних тенденций в экономике политическая жизнь страны в какой-то момент также начнет эволюционировать в сторону либерализации. Подобно тому как в 1990-е демократия распространилась в южном направлении — на Балканы, она продвинется и на восток, в европейские страны СНГ. Другие, впрочем, полагают, что авторитарные элементы в составе нынешнего режима душат позитивные экономические тенденции. Хотя оба этих варианта возможны, более вероятным мне представляется первый.

«Крупный план» А что мы увидим с близкого расстояния, сосредоточиваясь не на долгосрочных тенденциях и процессах, а на краткосрочной динамике? Возьмем сначала экономику. Здесь долгосрочный тренд связан с модернизацией и развитием, но краткосрочные тенденции демонстрируют крайнюю волатильность. В начале 1990-х доходы россиян резко снизились, затем, после 1998-го, начали быстро расти, а потом застыли под давлением мирового экономического кризиса 2008–2010 годов (см. рис. 2 на с. 94). Первоначальное падение было вызвано сочетанием внешнего шокового воздействия и внутренних изъянов экономической системы. Самым мощным из внешних шоков стало резкое падение нефтяных цен в 1980-х годах и их продолжавшееся снижение, в результате которого в 1998-м «черное золото» стоило всего 9 дол. за баррель. К этому добавлялись хронические экономические

проблемы, унаследованные от советской эпохи (некачественные и устаревшие основные фонды, нелогичное географическое размещение промышленных мощностей), а также последствия катастрофических импровизаций Горбачёва (тройное увеличение денежной массы за 1985–1991 годы, большая внешняя задолженность, разрушение централизованной координации экономической деятельности при недостаточной либерализации народного хозяйства). Возобновление роста доходов населения после 1999-го стало результатом, во-первых, позитивного эффекта девальвации 1998 года, во-вторых, роста нефтегазовых цен и, в-третьих, отдачи от рыночных реформ девяностых. Начиная с 2005-го, как отмечает Владимир Милов, рост обеспечивался также значительным притоком частного иностранного капитала.

Этот экономический цикл существенно повлиял на развитие событий в политической сфере. Сдвиги в экономической ситуации, как они виделись российскому обществу, влияли на уровень поддержки действующих политических лидеров. Здесь проявлялась та же тенденция, что и в других странах: когда граждане видели, что экономика процветает, власти предрежащие пользовались популярностью. Если же дела в экономике шли плохо, рейтинги лидеров резко падали. Свою роль играли и другие факторы. Так, две чеченские войны недешево обошлись Кремлю в плане поддержки в обществе, хотя во время крупных терактов или в периоды интенсивных боевых действий народ сплачивался вокруг российского триколора. А после войны с Грузией в 2008-м рейтинги Путина и Медведева тотчас же подскочили на 10–15 процентных пунктов. Но все же именно по представлениям общества об экономической ситуации в стране можно достаточно точно предсказывать меру одобрения действий руководителей государства²².

Рис. 2

Источник: World Bank, World Development Indicators, 2010; данные Росстата (октябрь 2010 года)

В то же время возможности лидеров осуществить те или иные политические шаги увеличиваются или уменьшаются в зависимости от рейтинга поддержки. Падение рейтингов придает силы оппозиции, побуждая элиты и группы интересов в парламенте, региональных органах власти, федеральном госаппарате, СМИ, деловых кругах и т. д. выдвигать взаимно противоречивые требования и блокировать реализацию любого последовательного политического курса. Когда же глава государства пользуется широкой поддержкой, препятствия на пути реализации его политической программы, как правило, не возникают.

Тем самым в периоды популярности лидера политический курс страны и управленческий стиль во многом зависели от взглядов и целей соответствующего главы государства. В первые годы после прихода к власти

Горбачёва (1987—1989), когда у него была широкая поддержка, он решился ослабить контроль над обществом, экспериментировал с либерализацией экономики и медленно продвигался в сторону демократизации политических институтов. Ельцин в свой звездный час (1990—1992) сделал выбор в пользу полностью конкурентных выборов, поддержал самоопределение других союзных республик и широкую автономию российских регионов, а также создал фундамент экономической системы, основанной на частной собственности и свободе предпринимательства. Путин за те 10 лет, что его рейтинг достигал заоблачных высот, усилил полномочия силовых ведомств, серьезно ослабил гражданские права и сдержки и манипулировал выборами, одновременно проводя разумную макроэкономическую политику и помогая своим кремлевским соратникам в их деловых предприятиях.

Изменения, связанные с формальными институтами, влияют на политические результаты значительно меньше, чем перемены в экономической области и общественном мнении. Принятие Конституции 1993 года вопреки опасениям критиков не позволило президенту, пусть и обладавшему теперь широкими полномочиями, навязывать все, что ему вздумается, обессиленному парламенту. Более того, реформы еще активнее, чем прежде, блокировались оппозиционно настроенными депутатами, губернаторами и группировками бизнеса. И напротив, масштабная рецентрализация власти в 1998–2002 годах не сопровождалась существенным изменением характера политических институтов. Изменилась политическая практика — как в рамках формальных институтов, так и за их пределами.

К примеру, формально высшие должности по-прежнему замещались через механизм демократических выборов. Со временем, однако, произошла деградация этой процедуры. Все более открыто на выборах всех уровней стали применяться различные трюки, ловушки и рычаги давления, призванные обеспечить режим наибольшего благоприятствования для действующих должностных лиц. Поскольку на федеральном уровне власть пользовалась подлинной популярностью, на общенациональных выборах такие манипуляции не отражались существенно на результатах, которые в целом соответствовали данным заслуживающих доверия экзитполов. Если бы лидеры страны попытались использовать аналогичные методы в условиях низкой популярности, нет уверенности, что такая тактика увенчалась бы успехом. В этом и заключается один из серьезных источников неопределенности в будущем.

В большинстве случаев президенты России пытались усилить свою популярность, во-первых, обеспечивая рост доходов граждан (или, по меньшей мере, сохраняя его на прежнем уровне) — пусть даже в ущерб

долгосрочным целям, а во-вторых, принимая по некоторым вопросам решения, которые отвечали запросам общества. Решение Ельцина приступить в 1991-м к ускоренным экономическим реформам соответствовало тогдашним общественным настроениям, как и курс на замедление этих реформ, взятый годом позже. Применение президентом силы против парламента в 1993 году также было поддержано большинством населения. Путинская риторика о «наведении порядка», расширение (умеренное) роли государства в экономике, возвращение к советской мелодии государственного гимна, «наезды» на олигархов — все эти шаги пользовались популярностью²³. На деле Путин шел наперекор предпочтениям народа прежде всего тогда, когда это было необходимо для выполнения первой задачи, то есть для обеспечения роста (или, по крайней мере, сохранения на прежнем уровне) реальных доходов граждан: из всех путинских инициатив его либеральная экономическая политика пользовалась наименьшей поддержкой.

Одним словом, динамика политической жизни страны за последние 20 лет, взятая «крупным планом», определялась взаимодействием двух факторов: во-первых, экономическими результатами и, во-вторых, целями, а также в какой-то мере тактическим мастерством лидеров в Кремле. В отдельные периоды немалое значение имело и мнение общества по конкретным вопросам. Изменение всех этих факторов играло более важную роль, чем перемены в формальных институтах.

Что впереди?

Основываясь на опыте двух последних десятилетий, можно с немалой долей уверенности предположить, что формальные институты в ближайшем будущем не окажут определяющего влияния на характер политической жизни в России. Нынешняя Конституция и

другие законы обладают достаточной гибкостью, чтобы в перспективе послужить базой для более или менее демократической политической практики. Кроме того, как мы видим, на динамику политических процессов влияют также войны и другие трагические события.

Но если следующие десять лет окажутся похожими на прошедшие двадцать, очень многое будет зависеть от темпов и характера экономического роста. Определить его влияние на ситуацию сложно по той причине, что рост оборачивается разными, даже противоположными, последствиями на тех двух уровнях, о которых говорилось выше. В ракурсе «общего плана» ускорение экономического прогресса будет подстегивать модернизацию страны и ее интеграцию в Европу, все более затрудняя задачу контроля над обществом. По мере повышения уровня образованности населения расширится доступ людей к Интернету, распространится буржуазное и космополитическое мировоззрение, управлять потоками информации и выборным процессом станет сложнее. Однако на «крупном плане» мы увидим иную картину: повышение темпов роста, скорее всего, будет работать на популярность действующих лидеров, укрепляя их отнюдь не демократический режим²⁴.

С большой долей уверенности можно сказать, что совокупным результатом всего этого станет противоречивая ситуация, в рамках которой экономическое развитие будет упрочивать существующий политический режим и одновременно помогать обществу его «перерасти». Само по себе улучшение экономических показателей не ускорит перехода к другой политической системе. Наоборот, оно будет помогать действующим лидерам удерживать власть и, возможно, даже позволит им ужесточить репрессии, не встречая особого противодействия. В то же время этот процесс подготовит общество

для ускоренного перехода к более демократическому строю, когда — а рано или поздно это неизбежно произойдет — экономическая ситуация ухудшится. В тот момент станет ясно, что «крот истории» свое дело уже сделал.

И напротив, снижение темпов экономического роста замедлит эволюцию российского общества в сторону модернизации и самостоятельности индивида («общий план»), но при этом заставит громче звучать голос оппозиции, вызовет раскол в правящей элите, а возможно, и смену руководства («крупный план»). Подобный поворот событий усилит конкуренцию в политической жизни, по крайней мере на первом этапе. Дальнейшее — при прочих равных условиях — будет зависеть от того, продолжит ли экономическая ситуация ухудшаться или наметится оживление. В первом случае нестабильность будет нарастать, во втором — у новых лидеров появятся благоприятные возможности для консолидации своей власти. Чем более современным и глобально интегрированным окажется на этот момент российское общество, тем больше шансов, что такая консолидация будет проходить в относительно демократических условиях.

Каково наиболее вероятное развитие событий в экономике страны в ближайшие десять лет? Владимир Милов (см. его статью в этом номере *Pro et Contra* на с. 72–88) и ряд других специалистов предполагают, что к моменту мирового финансового кризиса рост в России зависел от двух факторов — повышения нефтяных цен и притока иностранных инвестиций. Кремль хотел бы инициировать рост «нового типа», основанный на высоких технологиях, за счет государственной поддержки нанотехнологического и других передовых наукоемких секторов экономики. Однако, поскольку конкурировать с мировыми лидерами в данной сфере не так просто и к тому же сегодня на долю высокотехноло-

гичных секторов приходится лишь 3 проц. российского ВВП, представляется маловероятным, что подобные проекты позволят уже в краткосрочной перспективе существенно повысить темпы роста в России²⁵. Исходя из этого, события, на мой взгляд, могут развиваться по трем сценариям, причем не исключено, что они будут в той или иной степени сочетаться.

Согласно первому сценарию, экономический рост в стране будет незначительным, а то и нулевым. Если цены на сырье не

газ резко сократится, последствия для российского экспорта, бюджетных поступлений и экономического роста будут весьма серьезными.

В следующем, более позитивном, сценарии важную роль играет Китай. Многие ожидают, что по мере развития китайской экономики значительно вырастет и ее спрос на российское сырье. Насколько быстро это будет происходить, сказать трудно. Однако как минимум не исключено, что рост этого спроса будет достаточно велик, чтобы с лих-

“Само по себе улучшение экономических показателей будет помогать действующим лидерам удерживать власть и, возможно, даже позволит им ужесточить репрессии”.

повысятся или даже понизятся, а на смену характерной для последних десятилетий доступности дешевых кредитов придет новая эпоха «дорогих денег» и особенно если власти посредством действенных реформ не смогут снизить уровень неэффективности и коррупции в бюрократическом аппарате, то спрос и/или производительность труда вряд ли увеличатся настолько, чтобы стимулировать рост в масштабе всей страны. Как кажется, именно этот сценарий большинство экономических экспертов считают наиболее вероятным.

Но есть и другие варианты, шансы на реализацию которых не так уж малы. Один из них связан с резким ухудшением положения в экономике. В настоящее время считается, что спрос на российский газ в Европе в ближайшие десять лет будет по-прежнему высоким: увеличение поставок сжиженного газа лишь компенсирует сокращение добычи на месторождениях Северного моря. Планы разработки газоносных сланцев на территории самой Европы натолкнутся на сопротивление экологов. Однако если эти прогнозы окажутся неверными и спрос на российский

вой компенсировать сокращение поставок в Европу, и тогда экспортные доходы России увеличатся. Кроме того, определенный рост на основе инвестиций могут обеспечить китайские капиталовложения в российский нефтегазовый, горнодобывающий и металлургический секторы. Таким образом, Россия, по крайней мере на какое-то время, сможет поддерживать рост в собственной экономике, «прицепившись» к китайскому «локомотиву».

Второй позитивный сценарий имеет меньше сторонников среди экспертов. Я бы не назвал его очень вероятным, но он возможен. В 2008 году, когда финансовые рынки рухнули, многие экономисты заявляли, что эпоха дешевых денег завершилась. Банки больше не будут выдавать фирмам из стран развивающейся рыночной экономикой большие кредиты под очень низкий процент. Однако сейчас многие ожидают, что Федеральная резервная система еще достаточно долго будет удерживать процентные ставки в США на уровне, близком к нулю. Иными словами, кредит будет оставаться не просто дешевым, а почти что беспроцентным. Это может при-

вести к возникновению новой формы игры на разнице в ставках рефинансирования: инвесторы будут занимать деньги в Америке и вкладывать их в компании из таких стран, как Россия, защищенные государственными гарантиями и имеющие неплохие перспективы прибыльности. Поскольку США и Европа сейчас сравнительно непривлекательны для инвестиций, можно предположить, что иностранные вложения в такие страны, как Россия, по-прежнему обладающие большими золотовалютными резервами и низким уровнем государственной задолженности, возобновятся достаточно скоро, что позволило бы обеспечить неплохие темпы роста.

Реализация этого сценария в значительной степени зависит от психологии инвесторов, а также от того, насколько долго в США и Европе будут ощущаться последствия мирового кризиса. По состоянию на начало 2011 года полной ясности на этот счет нет, как нет и особых причин для оптимизма. С одной стороны, общий объем иностранных инвестиций в России в 2010 году вырос на 40 проц. по сравнению с кризисным 2009-м²⁶. С другой стороны, большую часть новых инвестиций составляют банковские кредиты, причем значительная доля — это кредиты на очень короткий срок; из 115 млрд дол. на собственно прямые иностранные инвестиции, то есть наиболее полезные для страны, приходится всего 15 миллиардов. В то же время по мере приближения федеральных выборов российские инвесторы все сильнее нервничают и, как следствие, выводят значительные средства за пределы России. По предварительным оценкам Центрального банка, в четвертом квартале 2010 года чистый отток капитала из российского частного сектора составил 23 млрд долларов²⁷. В декабре Путин пообещал внести в законодательство поправки, устраняющие препятствия на пути зарубежных капиталовложений в «стратегические» сектора. Еще до этого правительство заявило о планах

продажи в частные руки в течение пяти лет пакетов акций государственных компаний на сумму в 10 млрд дол. ежегодно.

«Предполагаемые величины»

Помимо темпов экономического роста, на политические процессы в России в ближайшие десять лет может повлиять и ряд других факторов. Прежде всего, важен не только средний темп, но и то, как рост будет распределяться по годам — как колебания роста будут накладываться на электоральные циклы (президентские выборы 2012 и 2018 годов, выборы в Думу в 2011-м и 2016-м). Имеет значение и то, как рост будет распределяться между различными социальными слоями и регионами. Если рост доходов в некоторых регионах и социальных группах будет высок, а в других — низок, это может привести к росту социальной напряженности и вспышкам беспорядков (см. статью Натальи Зубаревич в этом номере *Pro et Contra* на с. 57–71).

На развитие событий могут повлиять также внешние социальные и политические воздействия. Если НАТО возьмет курс на вхождение в этот блок Украины или Грузии (хотя сегодня такое развитие событий представляется маловероятным), скорее всего, это сплотит население вокруг Кремля с целью противостоять подобному шагу. К аналогичному результату может привести какое-нибудь военное столкновение; в частности, нельзя исключать новую войну с Грузией. Стихийные бедствия вроде лесных пожаров минувшего лета также способны негативно сказаться на популярности режима. Что же касается терактов, то они чреваты самыми различными последствиями — в зависимости от того, насколько власти будут выглядеть компетентными и способными защитить граждан.

Если внешние факторы или ухудшение экономической ситуации подорвет популярность руководства страны, вызывая недо-

вольство «низов», многое будет зависеть от ответной стратегии Кремля. Можно представить себе ситуацию, когда будет допущена ошибка, способная привести — в условиях хронического ослабления режима — к его внезапному краху. Так, например, масштабное применение силы в неподходящий момент способно, вместо того чтобы запугать оппозицию, придать ей новые силы. В частности, в России широко обсуждалась опубликованная в 2008-м статья Евгения Гонтмахера с изложением сценария «Новочеркасск-2009»²⁸. (Конечно, на самом деле события в Новочеркасске не оказали серьезного воздействия на режим; в каком-то смысле более уместной была бы аналогия с тбилискими событиями 1989 года²⁹.) Другой роковой ошибкой для Кремля могла бы стать политическая либерализация в условиях растущего недовольства экономическим положением. Это дало бы возможность политическим конкурентам режима мобилизовать оппозиционные силы, что могло бы привести к быстрому подрыву действующей власти по «горбачёвскому» сценарию³⁰. Неожиданные вспышки протеста могут быть спровоцированы также экономически обоснованными, но непопулярными мерами по повышению эффективности, как это случилось после монетизации социальных льгот в январе 2005-го. Особую опасность таит в себе масштабная пенсионная реформа. Все эти версии носят гипотетический характер, но, как мы знаем, лидеры, долгое время находящиеся у власти, чаще совершают ошибки.

Политическая нестабильность возможна даже при высоких темпах экономического роста — в результате распрей в высших эшелонах власти и возникновения острой фракционной борьбы в кремлевском окружении лидеров. До сих пор Путину удавалось обуздывать любые подобные конфликты, так что наружу просачивались лишь их слабые отголоски. Но ситуация может измениться.

Заключение

Логика, определявшая политэкономия развития России за последние 20 лет, может измениться под воздействием ряда факторов — как уже известных, так и еще не выявленных. Если же основные факторы останутся прежними, многое будет зависеть от положения дел в экономике. В долгосрочной перспективе (речь идет не о годах, а о десятилетиях) данная логика дает определенные основания для оптимизма. При сохранении нынешней тенденции к интеграции с Европой российская элита, а постепенно и более широкие слои населения станут заинтересованы в открытости страны и ее хороших отношениях с другими государствами. По мере того как все больше россиян будут выезжать в Европу для отдыха, учебы, работы и коммерческой деятельности, укрепление связей с западным миром сделает их менее восприимчивыми к изоляционистским и авторитарным идеям.

Это не значит, что экономический рост уже в ближайшее время приведет к более либеральной политической практике в России. Напротив, высокие темпы роста экономики, скорее всего, усилят поддержку действующих руководителей со стороны общества и ослабят позиции сторонников экономических и политических реформ в Кремле, благоприятствуя тем, кто стремится ужесточить контроль над обществом. В то же время динамичный рост, укрепляя позиции все более авторитарного режима, создает предпосылки для успешного перехода к демократии после того, как ситуация в экономике ухудшится. По мере того как страна будет становиться богаче и современнее, а интеграция с внешним миром будет возрастать, увеличатся и шансы того, что резкое ухудшение экономического положения в России приведет к политическим изменениям в сторону большей свободы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Tetlock Ph. E. Expert Political Judgment: How Good Is It: How Can We Know?* Princeton: Princeton Univ. Press, 2006. P. 20.

² *Braudel F. Les modalités du temps historique // Écrits sur l'histoire. P.: Flammarion, 1969. P. 44–51.*

³ При работе над данным докладом я использовал несколько моих предыдущих работ: *Treisman D. The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. N. Y.: The Free Press, 2011, особенно гл. 7; Idem. Russian Politics in a Time of Economic Turmoil // Russia After the Global Economic Crisis / A. Åslund, S. Guriev, A. C. Kuchins (eds). Wash., DC: Peterson Institute, 2010; Shleifer A., Treisman D. The US and Russia: They Don't Need Us (UCLA: рукопись, 2010).*

⁴ *Treisman D. Twenty Years of Political Transition. UN-WIDER Working Paper, forthcoming 2010, см. на сайте www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/treisman/Papers/Final%20Helsinki%20paper%20nov%2009.pdf.*

⁵ *Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2009.*

⁶ *Социальное положение и уровень жизни населения России: М.: Госкомстат России. Янв. 2009.*

⁷ World Bank: World Development Indicators. 2010. Совокупная рыночная капитализация зарегистрированных на бирже российских компаний составила 861 млрд долларов.

⁸ Подсчитано по: World Bank: World Development Indicators. 2010.

⁹ *Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 2009. На каждые 100 семей приходится 47 персональных компьютеров.*

¹⁰ Госкомстат России: Социальное положение и уровень жизни населения России. 1996.

¹¹ *Россия в цифрах. М.: Госкомстат России. 2009; Связь в России. 2003.*

¹² *Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 2009.*

¹³ World Bank: World Development Indicators. 2010.

¹⁴ *Российский статистический ежегодник. 2009.*

¹⁵ *Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 1996, 2009.*

¹⁶ *Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 1996, 2009; World Development Indicators. 2010.*

¹⁷ *Россия в цифрах. М.: Госкомстат России. 2010, 1996.*

¹⁸ Госкомстат России: Связь в России. 2003, 2008.

¹⁹ Статистические данные ЮНЕСКО см. на сайте <http://stats.uis.unesco.org>

²⁰ Компания Gordon Rock. Активность россиян на рынке зарубежной недвижимости: итоги 2009 года. 10 февр. 2010, http://gordonrock.ru/news/?tema=97&news_id=488; *Kononova S. The Russians Are Buying // Russia Profile. 2010. Febr. 2.*

²¹ *Общественное мнение-2009. М.: Левада-Центр, 2009. С. 176.*

²² *Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // American Journal of Political Science, forthcoming, 2011.*

²³ Подробно об этом см. *Treisman D. The Return. Ch. 7, а также: Idem. Russian Politics in a Time of Economic Turmoil // Russia after the Financial Crisis / A. Åslund, A. Kuchins (eds). Wash., DC: Peterson Institute for International Economics, 2010.*

²⁴ Идея о том, что одни и те же экономические факторы дают противоположный эффект на разных уровнях и временных отрезках, отнюдь не нова. Достаточно вспомнить диалектический материализм Маркса. Хотя во многом Маркс ошибался и ссылаться на него сейчас немодно, он справедливо указывал, что взаимодействие экономики и политики носит нелинейный и порой противоречивый характер.

²⁵ *Crane K., Usanov A. Role of High-Technology Industries // Russia after the Global Economic Crisis / A. Åslund, S. Guriev, A. Kuchins (eds). P. 95–123, 119.*

²⁶ Источник данных – Росстат (http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/40inw24.htm).

²⁷ http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm&pid=svs&sid=cvvk

²⁸ См.: *Гонимых Е. Сценарий: Новочеркасск-2009 // Ведомости. 6 нояб. 2008.*

²⁹ Но не во всем — в настоящее время, в отличие от 1989 года, в стране отсутствует угроза, связанная с антироссийскими националистическими движениями, бросающими вызов ослабленному Центру.

³⁰ И здесь, однако, параллели не совсем точны. Российское общество в 2010-м настолько отличается от советского образца 1985 года, что предполагать, будто политические последствия социальной «либерализации» в настоящее время будут аналогичны, было бы некорректно.